

«КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ»

— Борис Андреевич, писатель эпохон веков на Руси слыл пророком (другое дело, что в своем отечестве таковых не признавали, но это уж отдельный разговор!). Понимаем, что вы не футуролог, и все-таки, как вам видится наше будущее?

— Да, вопрос, как говорится, поставлен на попа: вы писатель или не писатель? Если да, то скажите — что ждет нашу страну в будущем? Ведь недаром же вас, писателей, зовут еще и пророками. И потом — какой вы? Правильный или левый? То вы печатались в левых изданиях (газетах и журналах, имеется в виду), то печатаетесь в правых.

Что тут можно сказать? Когда жизнь настолько соскочилась, что за гранью нищеты остается чуть ли не половина всего населения, то и дураку понятно — добром это не кончится. Тут невольно вспомнишь пословицу: «И не пророк, да видит, что куда идет». Не гадать, а криком кричать надо: остановите эту растащившую, пестоголовую! И многие кричат... Стоном исходит земля русская.

А им все до Феньки. Раньше у нас строили «социализм» со званием лицом, а теперь строят «капитализм» с тем же званием оскалом. У нас все должно быть «по-большому!» Уж ежели социализм, так казарменный! — все по струнке. «Кто там шагает правой? Левой! Левой! Левой!» А уж ежели капитализм — так опят же широко представительный и скорый: на тыщу голдраниев сотворен один представитель-воротада, зато такой, что на зависть всем иностранцам буржуазия... Такой представительный, что у него не то чтобы «сыплется золото с кружев» — оно из ноздрей хлещет... Фонтаном бьет!

На первом периоде большевистской «перестройки» выдохлись за четыре года — и в 1922 году, исковеркав жизнь миллионов соотечественников, сделали наконец отступ; теперь их nasledники (все те же коммунисты) вроде бы тоже «засумневались» в непреклонности избранного «скорого» и «единственно верного пути» к чистому капитализму. Как те, так и эти были и остаются все теми же большевиками, жадными до власти, до царских почестей, до злата...

Те, аки лютые волки, сперва разорвали на лоскуты нашу державу «во имя свободы туловища от головы», потом вновь сварили ее «железом и кровью»; и эти в одночасье, опьянев в лесной чащобе от боевого клича: «Я царь или не царь?», тоже в клочья разорвали страну. А теперь пыхтя и потев от того, что не могут свести концы с концами, с оглядкой пытаются собрать ее в «единый экономический союз»: утром скажут — «да», а вечером — «нет!» Пожалуй, один Назарбаев в утешение нам утверждает и днем и ночью, что сделать все-таки можно и нужно.

Конечно, со временем объединимся, но не в большевистскую казарму, а в цивилизованный союз равных республик и вылезем из этого трясинного гололетьства. Но указать сроки вам может только один Бог.

Разумеется, я не свожу же наши беды к тому, что они явились следствием сговора известной троицы в лесной чащобе. Нет, конечно... Они никак не связаны с последние семнадцать лет с ростом неотвратимого и тупого пренебрежения к народной жизни.

ни, к народному чаянию — быть хозяевами своей земли, своего дела, плодов труда своего. К глубокому сожалению, это пренебрежение к народу своему, к его делам, чаяниям, надеждам все еще сохраняется в нашем обществе. Так-то вот...

— И все-таки. Вы в равной мере публикуетесь и в «правых», и в «левых» изданиях (хотя сейчас сам черт не разберет, кто «правый», кто «левый»). Что это — политическая индифферентность? Или позиция «небоязливости», не принимающего участия в сварах?..

— Понятия — кто такие «правые», а кто «левые» — в литературе быть не может. Игра в «правые» и в «левые» всего лишь журналистская возня, для художника чуждая. Ну, какое имеет значение то, что «Беси» Достоевского печатались в журнале «реакционера» Каткова? Кстати, у Каткова печатал до поры свои романы и Толстой, пока Катков не сделал попытку «подправить» текст Толстого. Лев Николаевич тут же забрал свой роман и напечатал его в другом журнале.

Да, моего «Живого» («Из жизни Федора Кузькина») опубликовал Твардовский в свое время в «Новом мире» (1966 г.). Честь и хвала ему. Но тот же Твардовский держал рукопись более года, да еще добавок и «подправил» ее, то есть сами они цензурировали (тут, правда, более всего Зак старался, бывший секретарем журнала). У меня не было иного выхода, и я согласился с правкой. Впоследствии вычеркнутые да «исправленные» страницы и само название были мною восстановлены.

В том же «Новом мире» долгие годы лежали мои повести: «Полтора квадратных метра», «История села Брехова», «Старика Прошкина» и многие рассказы. «Круто берешь», — говорил Твардовский. — Надо годить». «Доколе, Александр Трифонович?» Он лукаво улыбнется и скажет: «До одна тысяча девятьсот восьмидесяти второго года».

И вот чудеса! Пролетав еще двенадцать лет в «Дружбе народов», повесть моя — «Полтора квадратных метра» появилась на свет божий в этом «правом» журнале в 1982 году. Правда, с большой цензурной правкой и с напильником от автора, то бишь с последствием, что все это было давно, а теперь все изменилось к лучшему. Нашлепку эту потребовали сделать и редакция и цензура. И я сделал. А что ж вы хотели? За печатание повести этой я не томо что сделать напильку — с избы на борону прыгнул бы.

Но повесть эту тотчас же примитил Ю.В. Андропов и, заступив вместо Суслова на идеологический «трон», в своей коронной речи выразил гнев по адресу моей повести и сказал — да, мол, долго ли будет этот писатель глумиться над нашей действительностью!

И в самом деле! Кабы знать — что мы будем переживать с новыми «реформаторами» после ухода этих сусловых да андроповых, я бы мог подождал с печатанием своих повестей да романов еще эдак лет тридцать. Но, увы! Былого не вернешь, или: знать бы, где упасть, — соломки бы подстлал. Шучу, конечно... Но вернемся к «левым» и «правым».

После того памятного «закрытого» выступления на секре-

тариате Союза писателей Сергея Баруздина за публикацию моей повести так ругали, что он в гнев бросил мне: «Больше я ни одной твоей вещи не напечатую». А у него лежали и рассказы мои, и роман «Мужики и бабы», которые, кстати, так же отвергались «левым» «Новым миром» при редакторстве Наровчатова и Карпова. А напечатан был роман только в 1987 году в «правом» журнале «Дон». Вот так-то...

— Вот «левых»-то редакторов нашли — Наровчатова и Карпова? Да по сравнению с их взглядами, тот же «правый» журнал «Дон» — радикал из радикалов!

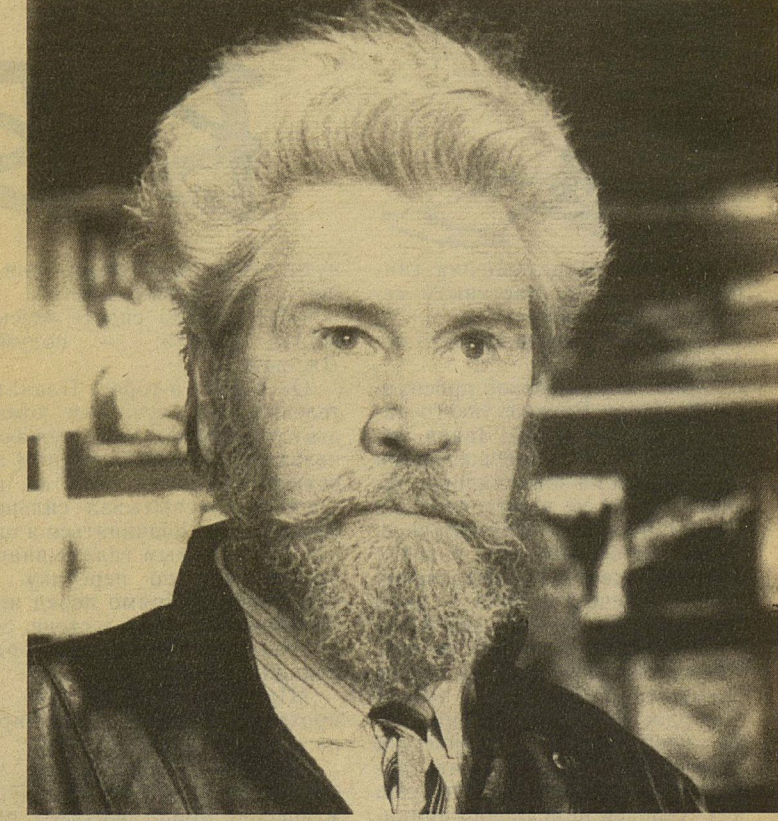
— Я бы мог про любую свою вещь рассказать не менее забавные и печальные истории. Бель некоторые из них пролежали и по десять, и по пятнадцать, и даже по двадцать лет с хвостиком. Что, не верите? А вот-вот такой фактик: моя пьеса «Единожды солгавши», бурно и восторженно встреченная еще тем старым МХАТом и в 1967 году запущенная к постановке под режиссурой Михаила Николаевича Кедрова, была приостановлена самой г. министершей и пролежала под цензурным запретом двадцать два года; опубликована она была только в 1988 году в журнале «Юность» (уж и не знаю, какой он — «правый» или «левый»).

Так что винить меня за то, что я «выбираю» то левые, то правые журналы, смотря по обстоятельствам, так сказать, по меньшей мере несерьезно. И пора уж усвоить простую истину, — писателей нет ни «правых», ни «левых», есть только хорошие писатели и плохие.

Вернемся к «пророческой» назначенности писателя: виден ли вам свет в конце тоннеля, по которому мы ныне всем народом бредем?

— Жизнь человека и, конечно, общества так обустроена, что без надежды на свет в конце тоннеля жить было бы невозможно. Конечно, он должен быть виден. Как все это будет называться, не знаю. Перемена ли крена реформ из политической в экономическую сторону или создание нормально-бытовых условий для страждущих людей, — но социальная программа должна быть перестроена. В этом плане мне видится свет. Кроме того, сколько ни тысь лбом в стенку, а вглед-то дверь все-таки найдем, нащупаем.

Думаю, найдем, нащупаем эту дверь — выход из создавшегося положения. Другое дело, что это требует согласия в обществе, устремленности к единой цели. А эту единую цель нужно выработать и согласовать... Наши же властные и прочие структуры как только начинают касаться этих общих положений, называя их «светом в конце тоннеля», тут же тпаяют головами друг друга. И это вместо того, чтобы сообща выработать единое экономическое и политическое состояние общественного развития. При таком фронтальном столкновении наших взглядов, неуступчивости и, я бы сказал, какого-то ложного самолюбия, что ли, мы ничего хорошего не добьемся. Конечно же, мы придем к свету: нужда заставит солдата любить. Жизнь прищипит, прижмет, заставит искать объединенными усилиями тот самый выход, который нужен для жизни народа, а не для ам-

Беседа с Борисом МОЖАЕВЫМ

бициозного выражения той или иной группировки.

— Хочется услышать ответ на вопрос, который более уместен политологу, нежели писателю: вот вы говорите: «Протянут друг другу руки»... А верите ли, что смогут нынешние противостоящие стороны протянуть друг другу руки? Война амбиций (а если не употреблять это красивое слово — война гонимых!) зашла уже так далеко, что не будет никаких протянутых рук — только протянутые ноги!

— Да, гоним играет здесь заметную роль. Но, понимаете, с одним гонимом далеко не уедешь. Можно сесть в лужу — да еще с голым задом. И так уж сидим и поем: «Ой, хорошо в стране советской жить»...

— Уже не поем — сидим молча! А если поем, то: «Путана, путана, ночная бабочка, ну кто же виноват?»

— И подпрыгиваем!.. Есть определенная категория людей, которая пытается самим себе втолковать, что мы уж очень правильно ведем нашу политику и экономикку. Впрочем, последнее заседание Совмина говорит о том, что кое-кто стал немного задумываться над тем, правильно ли всё в датском королевстве, разумно ли? Намечается, правда, очень робко, очень неопределенно, в какой-то путаной фразеологии, — поиск выхода из тупика, связанного с политиканством и наплевательским отношением к нашим экономическим законам.

— Еще один вопрос, оговариваемся, более уместный в адрес политолога: вам виден сейчас кто-либо конкретно, кто мог бы возглавить нашу работу по реформаторству, кому бы народ доверял?

— Я писатель, и мне об этом не положено говорить, как и не положено заниматься гаданием на кофейной гуще. Могу сказать одно: такие люди есть, и не надо за ними бегать за бурой...

— Положим, «за бурой» сейчас более бегут за Якубовскими и Тарасовыми...

— Я езжу по провинции, встречаюсь со многими деловыми людьми, вижу многих трезво мыслящих, великолепно разбирающихся в обстановке личности. Земля наша не оскудела талантами, в том числе и политического устройства. Я видел в

провинции такие города, в которых живут вдвое лучше, чем в Москве. И тишина у них, и порядок, и чистота, и на рынках все дешевле, и базары больше... И великолепно сохраняются музеи, картинные галереи. В Пензе, что меня особенно тронуло, работают Детская музыкальная школа, Детская школа живописи... Такое умиление — аж слезы выбивает! Конечно, и там есть хулиганство, всякого рода эксцессы, но в целом картина очень сильно отличается от нашей московской болотины.

Талантливые люди всегда сидят на Руси. Откуда мы знали, что найдется такой Козьма Минин, который прослушает в церкви молебен, выйдет и скажет: «Все, что у меня есть, полумешка злата-серебра отдаю. Если надо, и детей загоню, а Русь отстою!» Нет, не перевелись у нас ни Минины, ни Пожарские.

— Оставим политику... — Да мы ее и не трогаем. Мы говорим о том состоянии, в котором пребывает наше общество. Честно говоря, я никогда политикой не занимался и заниматься не буду.

— Политический крен в нашем разговоре оправдывается уже тем, что общество состоит из читателей (в том числе — читателей книг Бориса Можаяева)... И все-таки вернемся к литературе: в прошлые годы существовал такой термин «деревенская проза», давшая блистательные имена: Белов, Абрамов, не знаю уж, куда причислять Астафьева... пусть Виктор Петрович сам выбирает... Как вы думаете (поскольку я бес критика причислял к этой прозе), что с ней происходит сейчас? Существует ли она и будет ли развиваться?

— Да, я тоже читал в критике, что это «деревенщина». Это понятие сугубо условное, ничего, в общем, не значащее. Это как-то, знаете ли, обозначения: черный кобель, желтый кобель, пестрая корова, лисья кобыла... Если там — лисья, буланый цвет, то здесь деление идет по тому, какие вопросы и темы затронул писатель? Конечно, у меня написано много вразбросанных в обстановке личности. Земля наша не оскудела талантами, в том числе и политического устройства. Я видел в

деревенщине так хорошо пошли гулять по свету? Да не потому, что они взяли да описали укромные уголки наших забытых деревень! Не-е-ет! И у Абрамова, и у Белова, да и у Солженицына с его «Иваном Денисовичем» есть очень глубокие познания, связанные с народной жизнью, с типами, характерами, проблемами, которые мы переживаем, которыми бодем и страдаем, со всем тем окружающим миром, огромным, пугающим непонятным, в котором мы живем и из которого пытаемся создать не что, не просто нам нужное, но необходимое для того, чтобы че-

Беседа с Борисом МОЖАЕВЫМ

и об инженерах, и о лесниках, и об ученых, художниках... Да черт знает, о ком я только не писал! С кем встречался на своем пути, о тех и писал. Но не так, чтобы взять да изобразить: нет, чувства и мысли, которые вызвали эти встречи, ложились в сюжеты, ставились определенные проблемы — порой далекие от деревенской жизни.

Главное не в профессии человека, не в той среде, которую описывает писатель, — главное в моральных, нравственных, житейских вопросах, которые связаны с жизнью человека, с той средой и тысячами обстоятельств, что влияют на эту жизнь, на характеры. Ведь люди не падают с неба такими мудрыми или такими злыми, такими негодными или такими немехами. Их создает в определенном смысле среда, и что-то есть и от Бога, хотя мы долгое время считали, что это чепуха на постном масле. Ан нет, наследственное (или, как говорят ученые, генная инженерия) существует.

Писатель в определенной степени имеет с этим дело, хотя его всегда держит в тисках, если он настоящий художник, эстетика. Писатель не может взять и бросить разом все, что связано с литературой — как со статистическим действием, — и перейти в какую-то научнообразную или социологическую сферу познания. Ему присуще синтетическое восприятие жизни. Художник порой думает за других людей, меряет их (и себя в том числе) теми же нравственными категориями, которые встречает в обществе. Это очень тонкая и в то же время закономерно сложная взаимосвязь.

Вот с чем имеет дело писатель. И пусть и Распутин, и Белов больше пишут о деревне, но это совершенно не похоже друг на друга писатели. Я уж не говорю об Астафьеве, Абрамове...

— Абрамов, впрочем, тоже зачислен в «деревенщину»... Но он не похож ни на Белова, ни на Астафьева. И хотя писал много о деревне, вопросы нравственного характера, вопросы эстетики его всегда держали — был здоров! Настреме, как говорил он сам. Федор Абрамов был человек неглупый, высокообразованный, образованный, великолепно понимающий, что за деревней стоит... человечество, связанное с определенным временем, положением, ситуацией, в которую ввергла жизнь это человечество.

Почему так называемые «деревенщину» так хорошо пошли гулять по свету? Да не потому, что они взяли да описали укромные уголки наших забытых деревень! Не-е-ет! И у Абрамова, и у Белова, да и у Солженицына с его «Иваном Денисовичем» есть очень глубокие познания, связанные с народной жизнью, с типами, характерами, проблемами, которые мы переживаем, которыми бодем и страдаем, со всем тем окружающим миром, огромным, пугающим непонятным, в котором мы живем и из которого пытаемся создать не что, не просто нам нужное, но необходимое для того, чтобы че-

ловечество и род людской остались человечеством и родом людским, а не озверели. Вот какие задачи у художника!

А что касается разделений — городские, сельские... Возьмите тех же Толстого, Достоевского... А Тургенев — сплошной «деревенщик» получается?! Но похвалю Тургенев на Достоевского с его «Селом Степанчиковым» или на Толстого с его «Хозяином и работником»... Это только примитивная критика (как говорили большевики — нынешние демократы) — огульная, любила все объемно охватывать и делать скоропалительные выводы. Эта критика жила до большевиков и теперь еще живет — при необходимости огульная похвала.

— Конечно, там, где черный, там и белый. Это всегда так! Была и похвала, и достижения, которые мы теперь пытаемся отрицать. Конечно, в чудовищных провалах, в зверстве, в беспощадном истреблении народа своего были те же народные взлеты, творившие чудеса... Та же самая война — примером!

— Что бы вы отнесли к достижениям советской литературы? — Для меня нет такого понятия, как «советская литература».

— Обозначим это как «литература за последние семь десятилетий».

— За 74 года наша литература дала многих высокообразованных и, я не побоюсь сказать, даже некоторых гениальных писателей — такого, как, скажем, Солженицын. Блистательных писателей было много, и дело тут не в советской или кадетской власти. Поймите, мы как народ, как Божье творение, необычайно богато одарены свыше. Это проявляется буквально во всем — в познании, в искусстве, в науке, и в литературе — особенно... И, простите, в дружбе нашей — тоже!

— Дружба тоже от Бога? — Ну, может быть, от Сатаны. Я не знаю, как там они распределили эти задатки, что чего вкладывал в нас... Повторяю, в нас вложено больше, чем, может быть, в кого-либо другого. Поэтому у нас и крайности такие! Ведь просторы-то необятные: или характер рождается применительно к тем обстоятельствам и среде, в которых он живет...

— В самом деле, непредсказуемость и необязательность литературных характеров в нашей словесности поражает: Дубровский и Ноздрев, Базаров и Настасья Филипповна, Анна Каренина и дядя Ваня...

— Россия всегда отличалась необыкновенным многообразием, а в тяжелые и опасные годы — необыкновенным единством и целостностью. Если такая опасность встанет ребром, будет и единство, и устремленность. И все, что с этим связано...

— Вы несколько раз упоминали имя Бога. Кто ваш Бог в литературе? И есть ли он? Или

вы в литературе язычник? И вот еще вспомогательный вопрос: какую книжку, существующую в мировой литературе, писатель Борис Можаяев хотел бы написать сам?

— Ух ты мать честная! Есть много книг, которые мне хотелось бы написать. Но я отлично знаю, что мне так не написать, потому что это — шедевр! А каждый шедевр — творение единственное, не повторимое не только одним автором, но и любым другим, который захочет взяться за это. Каждому дано от Бога свое — и ошибки делать, и великие всплески...

Талантливые, гениальные писатели у нас, как говорится, — дай Бог!.. Не говорю о русской литературе, но и в наш советский период было много блистательных писателей. Они остались с нами, они живут и будут жить. И это не только те, кто предостерегал нам.

Я, естественно, безумно любил (уж не говорю о Достоевском и Толстом) многих, так называемых исследователей крестьянского мира, начиная от Глеба Успенского и кончая Федором Абрамовым. Как характеры, как художники — это, конечно, разные люди. Но их устремленность, целенаправленность, глубинное знание и умение отразить жизнь в характерах неповторимых, совершенно бесценных, — проявились в полной мере. И вот таких писателей у нас, слава тебе Господи, до сих пор много. Думаю, мы будем и впредь богатыми на таких людей!

— Об учителях и богачах поговорили... А есть ли у вас ученики? Есть кому передать лиру? Вообще, вы задумывались, кто идет за вами следом?

— Понимаете, дело в том, что я художник, в высшей степени — индивидуалист. Любя Толстого, любя Пушкина, конечно, Лермонтова, многих других замечательных писателей, я в чем-то, может быть, и стараюсь отталкиваться от их великих творений, держаться, если не вровень, то хотя бы на каком-то уровне по отношению к тому, что уже создано. Тем не менее моим главным господином, заставляющим меня писать, является жизнь, которую я прожил и которую наблюдал во всех уголках нашей могучей державы и за ее пределами. Я имею в виду диктат Жизни, ее «Не солиги», «Не лукавы»...

— Что касается эстетической, что ли, формовки, писательской зрелости, виртуозного владения словом, красками... — то это да, пожалуй, каждому по-своему, и тут почти не бывает повторений. Я не говорю о посредственностях: они все похожи друг на друга. Но каждый Мастер — на свое лицо — ни с чем не сравним! Вспомним, Гоголь учился у Пушкина всему, а что получил! Лермонтов, кажется, шел вслед за Пушкиным, — тем не менее это совершенно новая ступень развития человеческого гения, его деяний и поступков...

— Наши яблоки далеко откатывались от яблона. Кстати, если коснуться лирической стороны жизни, — написали ли вы в своей жизни хоть одно стихотворение?

— Написал. И не одно, а очень много. Особенно в молодости.

— Небось, девушкам посвящали?

— Не только девушкам. Они печатались — даже в таких

журналах, как «Смена», «Советский воин»... Это было в то время, когда я служил офицером на флоте... Исаак Осипович Дунаевский даже написал сюиту о флоте на мои стихи. Она занимала целое концертное отделение и очень долго исполнялась флотскими ансамблями. Военный издат даже выпустил отдельные книжечки, где было указано: «Музыка Исаака Дунаевского. Слова Бориса Можаяева». С Дунаевским я работал дважды: один раз — три-четыре недели, другой — месяц или больше.

В общем-то я писал стихи, положенные на музыку многими композиторами: Мирским, Калмыковым... и др. Песни довольно широко пели... Да и чего я только не писал?!

— Стало быть, вы не только писатель-деревенщик, но и поэт-песенник...

— Ну, это все условно очень.

— Что у вас сейчас на выходе, а что — в чернильнице?

— Сейчас переиздается мой роман «Мужики и бабы», включенный в учебную программу одиннадцатых классов. Это меня очень радует, потому что, нередко выступая перед читателями, слышишь один и тот же вопрос: «Почему невозможно достать роман? Борис Андреевич, вы как-нибудь там похлопочите». Хлопоты были не только с моей стороны... И вот наконец издательство «Вече» отозвалось и выпускает «Мужиков и баб» массовым тиражом. Книга выходит в начале сентября. Радует, что роман пользуется спросом. Я отношусь к нему особенно: в нем идет речь об очень серьезном периоде жизни нашего общества, особенно крестьянства.

— Что в чернильнице? Сажу, работаю над вторым томом романа «Изгой». В конце года надеюсь сдать его в редакцию журнала «Правое» или «Левое» — не знаю! Наш современник...

— Естественно, «правый!» — Почему в журнал «Наш современник»? Потому что первую книгу романа опубликовал он. В данном случае я не имею права поступать иначе. К тому же я считаю, что этот журнал сейчас самый престижный и самый хитовый.

— Здесь можно поспорить: и насчет «престижности», и насчет «хитовости».

— Не ходульный, а хитовый.

— Поэзия в журнале — плохая. Публицистика — уныло-патристическая. О главном редакторе — либо хорошее, либо ничего... Впрочем, проза публикуется в журнале неплохая...

— Конечно! А что мне за дело до того — какой Бородин — «правый» или «левый»? Или Белов? Сейчас «Наш современник» имеет самый высокий рейтинг и набрал самый большой тираж...

— Думаете, тираж набран за счет прозы, а не за счет круговой поруки единомышленников, присвоивших себе право ходить с перекошенными лицами?

— Как они считают — за счет прозы. И вообще — мне трудно говорить об этом: не могу же я считать, что они набрали тираж потому, что я опубликовал в двух номерах свой роман!

— Вам неудобно, а нам вполне удобно судить об этом!.. Кстати, раз мы заговорили о журналах, читаете ли вы их?

— Слежу за ними. У нас всегда печаталось немало серьезных вещей. Тут ничего не попи-

шеш. Но сейчас средний уровень очень сдвинулся в сторону какой-то необязательной, социологической оснащенности, связанной с политикой, межпартийностью... И потом эти, так называемые новации — с бородой...

— Это называется «пост-модернизмом».

Новации — неплохо: пусть пробуют все, кто берется за перо. Не страшно, в каком ключе ты пишешь — в сверхмодерновом или классическом. Важно другое: в потоке произведений должно быть нечто целостное, серьезное, значимое, что имеет право на то, чтобы быть предметом изображения в искусстве. А то у нас чаще пишут для того, чтобы излить некоторое выражение из трех-четырех слов и вариации на эту тему. Подделываясь под литературу легкую. Добиться успехов подделкой трудно.

— Для этого, видимо, следует знать, что такое литература?

— Когда-то наша школьная программа по литературе была великолепно составлена, обширна, очень интересна. Конечно, было много временного... Но к высоким творениям было какое-то — не почтительное, а почитательное — отношение. Оно жило в нашем народе, да и сейчас живет. Дай Бог, чтобы оно не было захлестнуто временным потоком серианты...

— Кажется, Пикассо говорил о поисках в искусстве: нельзя искать то, что не потеряно...

— В этом вся штука! Жизнь надо чувствовать. А вот как отразить это ощущение, — здесь уже речь должно вести о мастерстве...

Наша беседа закончилась неожиданно. Один из корреспондентов «КО» машинально, Бог знает почему, прочитал первую строку есенинского «Письма к женщине»:

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приближавшись к стене,
Взвешиваясь к стене,
Вы по комнате

И что-то резкое
В лицо бросали мне...

Наверное, гены Поэзии слишком глубоко сидят в писателе («деревенщик», поэт-песенник — нужное подчеркнуть!) Борисе Можаяеве, но он с ходу подхватил великую исповедь того, кого можно именовать Совестью России:

Любимая!
Меня вы не любите.
Не знали вы, что
в сомнении людском
Я был, как лошадь,
загнанная в мыле,
Прищипленная смелым
ездок.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном буре быте
С того и муляюсь,

что не пойму —
Куда несет нас
рок событий...

И мы решили закончить нашу беседу этой великой и уходящей в эхо Времени строкой:

Куда несет нас рок событий...

Беседовали
Александр ШУПЛОВ
и Александр ФИНАЕВ.